

ВНУТРЕННЯЯ ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

В статье делается попытка расширения подходов к оценке предметной области геополитики и обосновывается значение внутренней геополитики для России. Рассматриваются исторические этапы становления внутренней геополитики России, показывается влияние процессов глобализации на внутреннюю геополитическую структуру российского государства.

Современные российские исследователи (И. С. Гаджиев, К. Э. Сорокин и др.) подчеркивают необходимость качественного обновления геополитики путем расширения предмета ее исследований с тем, чтобы создать комплексную дисциплину о глобальной политике, которая могла бы систематизировать события на субрегиональном и внутригосударственном уровнях¹.

Отечественные исследователи в настоящее время трактуют геополитику как «системное обеспечение внешне- и внутриполитических стратегий»². Тем самым, ориентируясь на реальности современного сообщества, российская школа геополитики закладывает потенциал ее сознательного влияния на глобальную политику с учетом многополярного мира. Геополитика — одно из фундаментальных понятий теории международных отношений, характеризующее место и конкретно-исторические формы воздействия территориально-пространственных особенностей положения государств или блоков государств на локальные, региональные, континентальные и глобальные международные процессы³. Поэтому в российской науке идет процесс расширения геополитической тематики, формируется многообразие подходов к оценке предметной области геополитики. Основные подходы, по мнению Т. Е. Бейдиной, следующие: 1) геополитика — теория и практика пространственно-временного освоения

ресурсов развития; 2) геополитика — разновидность внешней политики, исследующая связи между пространственными и функционально-политическими характеристиками регионов; 3) геополитика — наука о взаимосвязи внутреннего геополитического поля и внешнеполитической активности геополитического субъекта. Третий подход с его попыткой связать региональные и геополитические проблемы детерминировал появление прикладной (или структурной) геополитики⁴.

Появление структурной геополитики привело к геополитическому парадоксу использования малых региональных внутренних величин. Изначально геополитика оперировала крупными величинами, и словосочетанием «геополитический регион» обозначалась либо страна, либо группа стран, территориально и акваториально близлежащих, с исторически сложившимися, устойчивыми политическими, военными, конфессиональными и этническими связями.

Выйдя на область практического применения, геополитика стала нарабатывать стратегии государственного регионального развития. Различия стратегии регионов значительны, поэтому сегодня активно развивается геополитическая региональная тектоника или структурная геополитика. Она предполагает регионирование по доминантным проблемам развития⁵. В этой связи в научных исследованиях появилось понятие о

внутренней, региональной геополитике государства⁶.

Надо отметить, что еще классики геополитики в своих трудах подчеркивали геополитическое значение отдельных территорий, регионов государств. Так, Х. Маккиндер выделяет геополитическую роль Восточной Сибири, расположенную восточнее Енисея и богатую природными ресурсами, назвав эту малозаселенную территорию *Lenaland*. К. Хаусхофер в своей геополитической доктрине отмечал германские территории *Kleindeutschland*, а также *Grossdeutschland*.

Школа И. Лакоста специально выделяет в качестве своих исследований «внутреннюю геополитику», считая, что территориальный конфликт, а не государство — главный объект анализа. В основе теории Лакоста — анализ конкретных региональных (локальных) ситуаций с использованием некоторых методологических моделей, заимствованных из инструментария классической геополитики. Геополитические же соображения в его концепции служили лишь для оправдания устремления властных инстанций относительно определенных территорий и населяющих их людей.

В 1986 году Лакост и тридцать шесть других авторов издали гигантское трехтомное исследование развития «региона» во Франции. Изучение региона стало примером «внутренней геополитики», которая была отдельной от «внешней геополитики»⁷.

Особую роль играет внутренняя геополитика для России. Дело в том, что региональная стратификация имеет в России глубокие исторические корни. Геоисторический компонент геополитического положения России характеризуется особенностями геополитической истории России и культурно-цивилизационными традициями российского су-

перэтнуса⁸. Поэтому внутренняя геополитика России в процессе своего становления прошла определенные исторические этапы.

Исторически европейские государства строились «снизу вверх» как инструмент прав индивида, что детерминировало цивилизационный инвариант западно-европейского государственного устройства. Исторический опыт России базировался на необходимости создания связи с системами расселения и территориальной организации хозяйственной деятельности. Сочетание климатических и бассейновых факторов привело к тому, что в Древней Руси возникают две оси политической интеграции: вертикальная, днепровская, и горизонтальная, лесостепная. Горизонтальная ось шла от Карпат через днестровский и южнобужский секторы лесостепи, пересекала днепровское средоточие и уходила в донецко-донской сектор лесостепи. Вертикальная ось до лесостепного Поднепровья шла на север к Ладогге, чтобы через волоки соединить бассейн Днепра с бассейнами Западной Двины и Ловати. Расположившийся в перекрестке перевернутой Т-образной конструкции Киев, «мать городов русских», уже с VI–VII веков стал выступать как центр консолидации геополитической общности восточных племен и племенных союзов. Подобная геополитическая формула уже с самого начала предопределяет феномен многоликости Руси, задает алгоритм ее постоянных умножений⁹.

Обращает на себя внимание то, что в условиях своего постепенного продвижения во все новые края восточнославянские «островитяне» поселялись вперемешку с балтийскими, угро-финскими соседями на огромных пространствах внешней, обширной Руси. Русь не вытесняла автохтонов, а занимала неиспользуемые или плохо ими используе-

мые «оазисы» у рек и озер, осваивала волокни.

При всей продолжительности племенной геополитики медленного просачивания в пространства Западной Евразии и создания все новых обитаемых «островов» у речных и озерных урочищ она должна была рано или поздно завершиться, смениться на более сложную. Племенные «острова» образовывали целые «архипелаги», внутри которых и между которыми развивались контакты. Возникали союзы племен, а там, где благоприятствовала среда, — городища и грады, становившиеся в условиях войны убежищами для окрестных племен, а при мире — местами их общения, торговли, общих празднеств и принятия политических решений. Результатом этих процессов стало формирование полисной геополитики, которой противостояла деспотическая, предполагающая «собираение земель» с помощью экзополитарного народа-войска, то есть дружины, встающей над градами и весями, над племенами, чтобы выступать как дисциплинирующая сила. Эта модель отражена в легенде о призвании варягов.

Полисно-деспотическая геополитика была представлена геополитическими концепциями Владимира Мономаха и Олега Гориславовича. Первый исходил из традиций «островитянства» и делал ставку на то, что можно было бы назвать «местническим державничеством» — на дифференциацию земель ради усложнения и тем самым более прочной политической организации Руси. Его оппонент рассчитывал путем южной экспансии, закрепления в тмутараканском анклаве создать степной плацдарм для силовой централизации «выходящей из себя» Руси, для ее обратного внутреннего завоевания-деспотизации¹⁰.

Возникающие впоследствии на Руси, в России геополитические configura-

ции ее пространства не исчезали в историческом процессе, а наслаивались в многослойный массив и откладывались пластами в ее геополитической памяти. Так, геополитическая память — инерция — вскрыла во всех революционных новшествах XX века хорошо забытые старые модели¹¹.

Необъятные просторы России требовали разработки особой модели геополитического контроля над пространством. У теоретических истоков русской системы геополитического контроля над пространством «от моря до моря» стояли П. П. Семенов-Тянь-Шанский и А. Вандам.

В условиях «слабеющего» влияния на востоке страны П. П. Семенов-Тянь-Шанский подчеркивал: «Надо изменить наше обычное представление о Российской империи, искусственно делящейся Уральским хребтом на совершенно не равные по площади европейскую и азиатскую части. Нам более чем кому-либо на свете не следует различать Европу от Азии, а, напротив, стараться соединить ее в одно целое, в противовес доктрине «Азия для азиатов»¹².

Этому ученому принадлежит идея выделения на российском пространстве между Волгой и Енисеем особой культурно-экономической единицы в виде Русской Евразии¹³. По мнению ученого, важным является перемещение политического центра государства ближе к истинному географическому. Для этого, на его взгляд, к Галицкой и Киево-Черниговской, Новгородско-Петроградской, Московской и Средневожской культурно-экономическим базам ускоренного развития необходимо добавить Уральскую, Алтайскую с горной частью Енисейской губернии, Туркестанскую с Семиречьем и Прибайкальскую. Лишь благодаря этим базам страна сможет твердо укрепиться до самых берегов четырех морей¹⁴.

В отличие от П. П. Семенова-Тян-Шанского, делавшего основной акцент на восточном направлении геополитического контроля над российским пространством, А. Вандам считал, что укрепление русской системы «от моря до моря» должно происходить не только по горизонтали с Запада на Восток, но и по вертикали — с Севера на Юг¹⁵. Модель вертикального геополитического контроля над Российским пространством он обосновывал историей освоения пространства в Евразии, вековым стремлением русских с сурового северного климата «к солнцу и теплой воде». Россия, на взгляд А. Вандама, имеет не три (как принято считать), а всего один фронт освоения пространства, обращенный к югу и простирающийся от устья Дуная до Камчатки. Это движение на юг, по его мнению, — не по всей линии фронта, а флангами, и преимущественно ближайшим к центру правым флангом. Такая стратегия освоения пространства, с точки зрения А. Вандама, не будет отвечать интересам Запада¹⁶.

Геополитические революции конца XX и начала XXI века коренным образом изменили геополитическую картину мира. Они были детерминированы мощными геополитическими процессами на территории бывшего СССР. Идеи полицентризма и регионализма получили широкую популярность в постбиполярном мире. Глобализация мировой экономики и децентрализация управления экономикой отдельных государств детерминировали геополитическую самоидентификацию регионов. Современная система международных отношений уже не сводится к системе отношений между национальными государствами и их союзами. Процессы глобализации все сильнее обостряют внутренние различия государств. Здесь глобализация понимается как процесс реконфигурации соци-

ального и экономического пространства, ведущий к постепенному возрастанию значения внутритерриториальных, трансграничных отношений¹⁷. Субъекты международного права перестали быть единственными и главными факторами мировой политики.

Своеобразным ответом на вызовы глобализации стали процессы регионализации в мире. Явление регионализма стало заключаться в создании региональных структур с целью координации национальных интересов геополитических субъектов в сфере политики, экономики, военного дела¹⁸.

Все это свидетельствует о становлении «региональной» онтологии, политической и экономической картины мира, представленной как полисистема, элементами которой являются регионы¹⁹.

Метаобразность геополитики мира постмодерна ведет к интерференции совершенно различных пространственно-смысловых коннотаций. И внутри политико-географического образа (ПГО) государства могут быть построены в соответствии с принципом матрешки ПГО ее территорий (регионов)²⁰. Под воздействием глобализации и регионализации в регионах формируются многоуровневые и сетевые по своей природе системы геопространства.

Формирование транснационального мира ведет к «перетеканию» внутренней политики государств во внешнюю и наоборот. Граница между ними становится условной. Между пониманием внутренней и внешней политики исчезают перегородки. Многие политические и экономические процессы служат тому примером. Так, привлечение иностранных инвестиций в экономику, безусловно, — благо. Без этого сложно, а во многих случаях и невозможно поднять наше отсталое производство. Но, вкладывая деньги, западный инвестор при опреде-

лении объекта для инвестиций руководствуется стратегией развития своей компании. Поэтому российская экономика, получая инвестиции из-за границы, волей-неволей принимает и стратегию западного инвестора. А приняв правила игры, которые навязываются из штаб-квартиры зарубежной корпорации, предприятиям придется долго играть по этим правилам. Сомнительно, что при этом будут учтены интересы регионов. Для российской экономики такой путь чреват потерей конкурентоспособности в долгосрочном плане. И это необходимо помнить, выстраивая отношения с западными партнерами и определяя соответствующую региональную политику²¹.

Любой приток в страну иностранных инвестиций в реально крупных размерах будет быстро перекрыт с помощью неэкономических способов центрами силы современного мира. Они не допустят усиления России за свой счет²². Приход транснациональных корпораций в Россию приведет к тому, что через какое-то время, укрепившись в стране, они уберут нынешнюю, некомпетентную и коррумпированную правящую бюрократию и будут управлять регионами сами²³. Здесь уже нет необходимости говорить при этом о кардинальной смене геополитических векторов.

Другой пример. Внутренняя политика Российской Федерации в отношении сельского хозяйства в 90-е годы привела к массовой эрозии села и деградации больших территорий в регионах. Свободные территории в современных условиях глобализации могут стать объектом пристального внимания (и даже экспансии) со стороны перенаселенных стран²⁴.

В информационном обществе так называемое пространство потоков доминирует над пространством мест. Пространство мест — традиционное геогра-

фическое пространство. Пространство потоков — это, по М. Кастельсу, система обмена информацией, капиталом, властью, структурирующей основные процессы в рамках обществ, экономик, государств, между различными регионами, независимо от их местонахождения. Пространство потоков непосредственно зависит от средств телекоммуникации и транспортной инфраструктуры определенного места. Таким образом, не весь мир является глобальным, а лишь та ее часть, которая включена в мировое пространство потоков. Узловыми центрами пространства потоков становятся в регионах крупные города, основная функция которых заключается в управлении потоками²⁵. Следовательно, возрастает геополитическое значение этих городов в регионах.

Геополитическую роль играют и энергетические потоки. В стране создана разветвленная сеть магистральных нефтепроводов и газопроводов, которые проходят по территориям большинства субъектов Российской Федерации и имеют выходы в ближнее и дальнее зарубежье. Поэтому в настоящее время наметилась тенденция всех крупных мультинациональных корпораций мира запереть российскую энергетику в пределах территории России и не дать ей возможности экспортировать энергоносители. Существует жесткая конкуренция со стороны альтернативных проектов поставок газа в Турцию из Ирана, Египта, Омана, Нигерии и, прежде всего, из Туркмении²⁶. Создание транспортных узлов в крупных городах регионов, расширение энергетических потоков — это вопрос формирования новой конфигурации геопространства страны.

Глобализация создает и другие геополитические возможности. Например, массированное инвестирование средств

из США, Японии, Южной Кореи, Тайваня, Австралии в развитие нашего Дальнего Востока при определенных условиях (и желании) развернет потоки производимых там товаров с запада на восток. Вслед за товарами в страны АСЕАН потянутся и люди — учиться, работать, отдыхать. Уже сейчас на российском Дальнем Востоке самая распространенная автомашина — японского происхождения, а не отечественные «Жигули». Так же легко могут поменяться и все другие атрибуты будничной жизни. Формально это будет российская территория, но фактически дальневосточники станут людьми тихоокеанского сообщества. Для них поездка в Токио или Лос-Анджелес будет куда более нужной, чем посещение Москвы или Новосибирска.

Дальневосточный расклад далеко не уникален для России. По аналогичному сценарию уже развивается калининградская ситуация. Тем более, что не исключается радикальных пересмотр статуса Калининградской области. Подтверждением тому является заявление полпреда Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе И. Клебанова: «Калининграду необходимо придать официальный статус заграничной территории»²⁷. Под особым статусом полпред подразумевает адаптацию регионального законодательства к законам Евросоюза, вхождение области в зону евро, право беспрепятственного посещения ее жителями стран Западной Европы, и т. д.²⁸.

Таким образом, полноценная внутренняя геополитика в Российской Федерации невозможна без геопропространственной самоидентификации ее регионов. Отсюда ключевой проблемой во внутренней геополитике для нового субъекта международных отношений — Российской Федерации — является сохранение

единства ее внутреннего геополитического пространства, геополитической целостности в границах бывшей РСФСР. Необходим баланс между политическими, военными, экономическими и идеологическими средствами в деле обеспечения целостности своего внутреннего геополитического пространства. Нерешительность и бессилие власти или безоглядная готовность полагаться прежде всего на силу для наведения порядка являются детонаторами конфликтов. Самодестабилизация на своем собственном геополитическом пространстве оказалась неизмеримо деструктивнее любой мыслимой дестабилизации, которая могла бы быть привнесена из внешних геополитических сфер.

Поэтому с точки зрения геополитического подхода чрезвычайно важно сохранить контролирующееся Россией геополитическое пространство за счет взаимной увязки интересов регионов между собой, регионов и Центра на базе федеративных отношений, не допуская разрушения исторически сложившейся этносистемы России, ее единого политического, экономического и духовного пространства. В противном случае отдельные регионы страны стихийно переориентируются на другие центры, что может привести к разрушению России как геополитического субъекта²⁹. Региональная безопасность является важнейшим инструментом реализации государственной региональной политики и создания федеративного государства на принципах сбалансированного сочетания интересов федерального центра и регионов.

Таким образом, в условиях существенного ослабления внешнеполитических позиций страны особую значимость для российской геополитики приобретает разработка внутригосударственной геополитической концепции,

учитывающей всю сложность национальной и региональной проблематики. Самостоятельным объектом геополитических исследований должен стать каждый естественно-географический регион современной России, рассмат-

риваемый в ее внутренней геополитической структуре во всей совокупности социально-политических, экономических, природных, исторических, этнических и иных геополитических детерминант³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Сорокин К. Э.* Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996. С. 16.
- ² *Сорокин Е. Э.* Россия и многополярность: время обнимать и время уклоняться от объятий // Политические исследования. М., 1994. № 1.
- ³ *Панарин А.* Вызов (Геополитический пессимизм против цивилизационного оптимизма) // Знамя. М., 1994. № 6. С. 50–51, 59.
- ⁴ *Бейдина Т. Е.* Возможности геополитики в изучении малых региональных величин // http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/1_00/14_BEIDINA.htm. С. 1–2.
- ⁵ *Бейдина Т. Е.* Указ. изд. С. 1–2.
- ⁶ См. напр.: *Ильин М. В.* Проблемы формирования «острова Россия» и контуры его внутренней геополитики // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. М., 1995. № 1. С. 37–52.; *Ильин М. В.* Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Политические исследования. М., 1998. № 3. С. 86–90; *Рогов Ю. В.* Основы формирования геополитических регионов современной России. Иркутск, 2002. С. 107; *Смирнов А. Н.* Уровни геополитического восприятия действительности в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. М., 1999. № 3. С. 59–61, *Медведев Н. П.* Политическая регионалистика. М., 2002. С. 83–85; *Комаров М. П.* Инфраструктура регионов мира СПб., 2000. С. 128–129; *Барис В. В.* Геополитические контуры России. М., 2002. С. 346; *Замятин Д. Н.* Власть пространства и пространство власти. Географические образы в политике и международных отношениях. М., 2004. С. 198; *Бабурин В. Л., Мазуров Ю. Л.* Географические основы управления. М., 2000. С. 204.
- ⁷ *Lacoste Y.* An Illustration of Geographical Warfare: Bombing of the Dikes on the Red River, North Vietnam // *Radical Geography*, 1972. Vol. 11. P. 230–250.
- ⁸ *Ивашов Л. Г.* Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России. М., 2002. С. 343.
- ⁹ *Ильин М. В.* Этапы становления внутренней геополитики от России и Украины // Политические исследования. М., 1998. № 3. С. 85.
- ¹⁰ *Ильин М. В.* Указ. изд. С. 85–86.
- ¹¹ *Ильин М. В.* Проблемы формирования «острова Россия» и конкурсы его внутренней геополитики // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. М., 1995. № 1. С. 48–50.
- ¹² *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. СПб., 1915. С. 17.
- ¹³ *Василенко И. А.* Геополитика. М., 2003. С. 112.
- ¹⁴ *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Указ. изд. С. 18.
- ¹⁵ *Василенко И. А.* Указ. изд. М., 2003. С. 116.
- ¹⁶ *Вандам А.* Наше положение. Пг., 1912. С. 5–7.
- ¹⁷ *Scholte J. A.* Can globality bring a good society? // *Rethinking globalization(s). From corporate transnationalism to local interventions*. N. Y., 2000. P. 15.
- ¹⁸ *Ивашов Л. Г.* Указ. изд. С. 222.
- ¹⁹ *Рогов В. Ю.* Основы формирования геоэкономических регионов современной России. Иркутск, 2002. С. 102.
- ²⁰ *Замятин Д. Н.* Власть пространства и пространство власти. Географические образы в политике и международных отношениях. М., 2004. С. 89, 111.

-
- ²¹ Агеев С. За державу обидно // Эксперт. Северо-Запад. СПб., 2005. № 1–2. С. 30.
- ²² Юрьев М. Крепость Россия // Главная тема Москва. М., 2004. № 2. С. 26.
- ²³ Рубченко М. Последний шанс империи // Эксперт. М., 2004. № 48. С. 38.
- ²⁴ Арсюхин Е. Китай прирастет Сибирью // Российская газета. М., 2005. № 30 (15 фев.). С. 5.
- ²⁵ Castells M. The rise of the Network Society. Oxford, 1996. P. 468–470; Мозговая А. В. Концепция глобальной сети городов в современной европейской политике: реальность и теоретический подход // Геополитическая доктрина России: реалии и проблемы выбора. СПб., 2004. С. 217.
- ²⁶ Фадеева И. Ю. Энергетический фактор в структуре геополитических интересов Российской Федерации // Законодательные (представительные) органы власти субъектов Российской Федерации. М., 2000. Вып. 4. С. 63.
- ²⁷ Известия. М., 2005. № 25 (14 фев.). С. 1.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Семенов В. А. Этногеополитические аспекты безопасности России. М., 1998. С. 125.
- ³⁰ Смирнов А. Н. Уровни геополитического восприятия действительности в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. М., 1999. № 3. С. 60.

G. Nuryshev

INTERNAL GEOPOLITICS OF RUSSIA: HISTORIC FOUNDATIONS AND MODERN CHALLENGES

An attempt is made to extend the approaches to the estimation of the field of geopolitics. The meaning of the internal geopolitics for Russia is founded. Historic stages of the development of the internal geopolitics of Russia are considered.